

— Не может быть! — ахнул Сашок.
— Не может, — хмуро согласился Вы-
верзнев. — А значит, скорее всего, так и
есть.

Е. Лукин. «Алая аура протопарторга»

ГЕРР ПЕСТАЛОЦЦИ

Я знал точно: никто из наших за эти восемь дней так ничего и не заподозрил. С чего бы вдруг?

Все выглядело совершенно буднично, насквозь житейски, если привлечь старомодные, давно вышедшие из употребления словечки — благолепно. В самом деле, как это смотрится со стороны? Энергично шагает ж себе напрямик к нашей штаб-квартире бра-вый капитан Сергей Чугунцов (меж своих — Акробат, из-за одного давнего дела), официально приказом назначенный старшим ОРГ¹ дивизионного Смерша. Действительно, дело насквозь житейское. И то, что подчиненный у меня один-единственный, причем не наш старый кадр, а пехотный гвардии лейтенант Петя Кашеверов, зеленый стажер в нашей системе, только три недели назад к нам определенный после госпиталя, никого не удивило. Мы — не фронтовое управление и даже не армейское. Людей у нас мало, задачи... в общем, на дивизионном уровне. Так что работаем чаще всего в одиночку или как раз группами из двух человек. Так уж у военных исстари заведено — там, где есть двое, один обязательно будет старшим.

---

¹ ОРГ — оперативно-разыскная группа.

Скорее уж получится наоборот: создание группы, пусть и из двух человек, заставит людей понимающих чуточку удивиться. Группы у нас создаются для особо серьезных дел, а обычно работаем в одиночку. Так что смотреть будут с некоторым уважением: мол, мы тут пустячки гоняем, а Чугунцову выпало что-то бардзо серьезное. Не могут они так не думать. И оттого на душе кошки скребут: ребята делом занимаются серьезно, хоть и пустяками, а мы с Петрушей восемь дней баклуши бьем. Хорошо хоть, никто не узнает. У нас категорически не принято совать нос в дела сослуживцев, разве что на общих совещаниях у подполковника Радаева иногда можно услышать какие-то обрывочки, в которые опять-таки не положено углубляться мыслью... Очень неловко — ребята пашут как проклятые, а мы, такие все из себя бравые, оба-двое, ждем у моря погоды. Весьма даже неудобно. И ничего не меняет тот суровый факт, что не мы себе такой непозволительный на войне курорт придумали, а токмо волею начальства...

Ну вот и вышел я к нашей штаб-квартире — причем на сей раз название такое следовало употреблять без тени той легонькой иронии, что не раз имела место допрежь. Здание вполне такого именованья заслуживало — большущий двухэтажный домина с кирпичными кружевами по стенам и вокруг окон, балконами с затейливыми чугунными перилами, роскошным широким крыльцом с восемью ступенями и высокой двустворчатой входной дверью. Штаб-квартира, ага.

Часовой у крыльца был знакомый и меня уже знал, но все равно по вьевшейся привычке окинул бдительным взглядом. Опытный был кадр из войск НКВД по охране тыла, с медалью и орденом, красной

нашивкой за легкое ранение. Но пропуска все же не стал требовать, не доходили до такого наши строгости, и потому пропусков у нас не водилось.

Поднялся я по ступенькам быстрым шагом, потянул здоровенную бронзовую ручку, легко распахнул дверь. Был тут какой-то архитектурный секрет: высеченная и тяжеленная дверь распахивалась легко, как садовая калитка.

Поднялся на второй этаж по широкой лестнице с затейливыми основательными перилами, пошел по высокому гулкому коридору к своему кабинету. Стены были в два кирпича (старорежимные, поболее современных), массивные двери из натурального дерева. Тишина стояла густая — и, как всякий раз, показалось, что никого нет в здании, кроме меня. Хотя народу здесь разместилось немало: не только мы, но и Отдел Смерш НКВД (контрразведывательное обеспечение войск НКВД и милиции). И все равно половина кабинетов осталась незанятой, и мне достался такой, какого в других местах не бывало и у нашего начальника подполковника Радаева, да что там, и у иных армейских полковников на серьезных постах.

Специфика городишка Косачи, знаете ли, о которой подробнее чуть погодя. Построили домину, я уже знал, в последние годы царствования Николая Первого, и с тех пор здание, переходя из рук в руки, служило присутственным местом — и при царях, и при белополяках, и недолгий период при советской власти, и при немцах. Вот только лет через десять после постройки, когда произошли известные события и Косачи изрядно зажирели, чиновная орава отсюда схлынула, а те, что остались, попали в райские условия: какой-нибудь мелкий плюгавый писарь, даже

без классного чина, сидел в хоромах, о каких допрежь того и мечтать не мог. Излишняя роскошь, конечно, но не бросать же здание, идеально приспособленное под канцелярию, только потому, что чиновничков стало в несколько раз меньше? Точно так же рассуждали и все последующие хозяева, точно так же рассудило и наше начальство. Жаль только, что полицейский участок (разместившийся во вполонину меньшем, но все же помпезном здании) с его капитальным подвалом и камерами располагался довольно далеко отсюда, и клиенты в наших конвойным приходилось водить за добрых полкилометра — все же близко для того, чтобы затруднять машину.

Отпер дверь родным ключом, здоровенным, с причудливой бородкой, вошел в кабинет и, как обычно, форменным образом в нем чуточку потерялся — словно котенка запустили в здоровенный ящик. Кабинет был огромный, а всей мебели — двухтумбовый канцелярский стол, крытый зеленым сукном на манер бильярдного, да два стула (все нерасшатанное, на совесть сработанное еще в царские, такое впечатлительное, времена). Высокий, мне по грудь, сейф в углу, тоже неведомо с каких времен оставшийся, не удивлюсь, если тоже с царских. Ну и фотопортрет товарища Сталина на стене в застекленной рамочке. Если подумать, ничего мне больше и не нужно для нормальной работы.

Сел за внушительный стол (первый раз в жизни попался такой и наверняка долго еще не попадется), не спеша выкурил трофейную сигарету, прошел к сейфу и отпер его затейливым родным ключом (драпавшие отсюда работнички управы бросили все казенное имущество неиспорченным). В двух отделениях хватило бы места, чтобы уложить добрых полку-

бометра бумаг, но моя канцелярия оказалась гораздо более скромной: там у меня лежала одна-единственная папка с белесыми матерчатыми тесемочками, наша, с собой привезенная. Достал я ее — папка была легонькая, почти невесомая, — сел и положил перед собой на стол. Развязывать тесемки не торопился: все, что там лежало, было мне знакомо чуть ли не наизусть, можно было и не перечитывать, но не лезть в сейф означало бы дохнуть от безделья, как тянулось не первый день...

В правом верхнем углу я сам написал авторучкой большие синие буквы: УЧИТЕЛЬ. Название операции, ага. Давно уже повелось: каждая операция должна иметь название, сплошь и рядом взятое совершенно от фонаря. Дело отнюдь не сводится к одной лишь военной бюрократии, которой не особенно меньше, чем на гражданке. В первую очередь тут забота о сохранении секретности. Вражеский агент может засесть довольно высоко, но если ему попадет такая, скажем, строка: «Проведены очередные мероприятия согласно плану операции «Лапоть», он не продвинется ни на шаг, не зная ничего, кроме названия операции. Так-то. В самом начале, когда группа только формировалась, Петруша, не подумав толком, предложил назвать операцию «Песталоцци». Это у него школьные знания еще не выветрились — он был на четыре года моложе меня и более чем на четверть века моложе подполковника Радаева. Радаев, недолго думая, сказал резонную вещь: великий педагог Песталоцци жил, конечно, до исторического материализма, но, безусловно, был прогрессивным деятелем, гуманистом, а потому не следует припутывать его честное имя к немецким грязным играм. Петруша внял — а я предложил «Учителя», что никаких возражений на-

чальства уже не вызвало, потому что, в общем, ситуации отвечало.

Итак, операция «Учитель»... Название хорошо согласуется с главным объектом нашего интереса — школой, где тевтоны отнюдь не сеяли разумное, доброе, вечное, очень даже наоборот. По документам у немцев это предосудительное учебное заведение проходило как «объект 371/Ц», и за этим незамысловатым шифром укрывалась абверовская разведшкола, где обучали шпионажу, диверсиям и еще парочке гнусных ремесел. Довольно специфическая школа. Таких у абвера имелось немало, но не вполне таких. В большинстве школ готовили взрослых, а вот буквально в нескольких — мальчишек от тринадцати до шестнадцати лет (моложе и старше не брали)...

Расчет был умный и весьма коварный. Мальчишка-шпион или мальчишка-диверсант вызовет гораздо меньше подозрений, чем взрослый, ему гораздо легче добиться своей цели, чем взрослому, да и отсутствие документов прокатит наилучшим образом — ну какие документы могут быть у такого вот пацана, кроме разве что табелей успеваемости, — да и отсутствие таковых опять-таки ни малейших подозрений не вызовет...

Ученички, надо сказать, были, конечно, не немцами, а жителями временно оккупированных территорий. Принуждения тут не было ни малейшего — от агента, работающего под принуждением, хорошей работы ждать трудно. Старательно высматривали подходящих кандидатов, а потом мастерски пудрили им юные неокрепшие мозги. Абверовцы, надо отдать им должное, были хорошими психологами и знали, на чем играть. В первую очередь на присущей мальчишкам страсти к приключениям. Любимыми

играми мальчишек всегда были игры в войну, по себе могу сказать. А здесь — настоящие оружие и взрывчатка, настоящая тайная служба и, что уж там, настоящие награды. Многие на это покупались в первую очередь. А ведь были еще и деньги, хорошие пайки, специфическая идеологическая обработка.

Пионерия и комсомол? Ну, положи руку на сердце... Далеко не всем подросткам они успевали дать перед войной должную идейную подготовку, особенно если учесть, что кое-где немцы держались года по три. Как теперь известно, немало было в партизанах пионеров-героев, но были и такие, кто, выбросив пионерский галстук, а то и комсомольский билет, уходил и совсем по другой дорожке...

И не только в войне причина. Вспомните гайдоровского Мишку Квакина — дело там происходило еще до войны, Квакин, очень может быть, уже и комсомолец и уж по-любому пионер, что ему нисколько не мешает быть главным хулиганом, по выражению самого Гайдара, личностью гнуснопрославленной: обтрясает чужие сады, наверняка есть еще и какие-то другие художества, о которых в повести ничего не сказано. У Гайдара он встает на путь исправления, а в жизни случается и по-другому, и такие вот Квакины, подростки, уходят по уголовной стезе без всякой войны. Теперь представьте, что этот вот Квакин оказался в оккупации, был замечен немцами и взят ими в работу. Что получится? Получится верный гитлеровский волчонок, тут и думать нечего.

А ведь были еще дети крупно пострадавших от советской власти, затаивших обиду на всю оставшуюся жизнь и постаравшихся потаенно отпрысков воспитать в том же духе. Были детки тех, кто пошел в бургомистры, полицаи и прочие немецкие актив-

ные холуи. Наконец, было еще такое явление, как специфика места. Здешние места, как западноукраинские земли, с двадцатого года и до осени тридцать девятого были под поляками. Советская власть тут продержалась неполных два года, а потом на три года уселись немцы. Это тоже сыграло немаленькую роль...

Признаться по совести, когда немцы запустили эту машину, мы с изрядным опозданием врубилась, что к чему. Вряд ли нас стоит в этом упрекать. Слишком долго были заточены исключительно на взросло-го супостата, и первое время «квакины» (так их повсеместно стали звать, вроде того, как немцы были «фрицами», а полицаи «бобиками») резвились совершенно безнаказанно. Да и потом, когда узнали, что к чему, работать было трудно: очень многие, и военные, и особенно гражданские, с трудом привыкали к мысли, что безобидный на вид змееныш лет пятнадцати может оказаться не менее опасным, чем взрослые.

Один пример. Тогда в первое время на участке нашего фронта (и нашей дивизии) трое таких вот «квакиных» устроили засаду, изрешетили из «шмайсеров» нашу «эмку». Все четверо, кто там был, погибли: командир полка, начальник штаба, начальник полковой разведки и водитель. Ехали на совещание к комдиву. Не доехали...

Мы, конечно, встали на уши, но искали-то мы, как привыкли, в з р о с л ы х! А эти волчата прошли как песок сквозь пальцы и, как потом стало точно известно, перешли через линию фронта к немцам. Мало того, капитан Леха Рязанцев, разыскник матерый, с первого дня воевавший, на одного из них все же вышел, но не понял, на к о г о вышел, отнесся не-

серьезно. Ну и получил пулю в затылок — волчонок сообразил, что может потянуться ниточка...

И опять-таки потом, далеко не сразу, узнали: немцы, как и прежде случалось, устроили им встречу по первому разряду. Снова надо отдать им должное: и материальные, и моральные стимулы были у них поставлены на совесть. Кроме оккупационных марок, навешивали и регалии попроще, главным образом власовские железки, «медали для восточных народов», но и чисто немецкие солдатские. Как было с той троицей — они принесли документы убитых, планшет со штабными бумагами, награды у всех четверых забрали. Медали им цепляли, сволочи, на общем построении, и даже оркестрик наярывал что-то вроде «Хорста Весселя».

На «зеленых» волчат, еще ни разу на дело не ходивших, это производило именно то впечатление, на которое немцы и рассчитывали. Ну, представьте: расхаживают по школе, задирая носы, их сверстники со взаправдашными новехонькими медалями. Участники героического рейда по советским тылам, бля. Так и тянет брать их в пример, ни в чем не уступить. Я ж говорю, абверовцы были хорошими психологами. Умело и старательно поддерживали в питомцах убеждение, что те — нечто наподобие царских юнкеров, что после победы над Советским Союзом их непременно выучат на офицеров доблестного вермахта, но эту высокую честь надо еще заслужить усердной службой...

Школа возле Косачей, в лесу километрах в двух от городка, просуществовала года полтора. И за это время «квакины» оставили в Косачах весьма даже недобрую память. Куда там гайдаровскому Квакину, для которого потолком было — обтрясти яблони в чужом

саду. Белым пушистым зайкой смотрелся Мишка Квакин по сравнению с абверовскими волчатами...

Немцы, аккуратисты, каждое воскресенье отпускали их в увольнение в городок. Отвозили туда большим автобусом двумя рейсами, а потом так же забирали. Вот они и развлекались на свой манер. Вообще-то в Косачах имелось подобие того, что можно назвать культурной жизнью: кинотеатр «только для немцев», театрик оперетты (куда на последние ряды пускали и местных). Однако из всех очагов культуры «квакины» уделяли внимание только солдатской чайной и двум ресторанчикам опять-таки «нур фюр дойче». «Стипендию» им платили не такую уж маленькую, но волчата жмотничали — то, что им хотелось, можно было взять и бесплатно...

За месяц, прошедший со дня освобождения городка, здесь успел освоиться и развернуться уполномоченный НКГБ капитан Кузьменко, мужик хваткий, с опытом. В его распоряжении было трое оперативников, и агентурой он за месяц обрасти успел. Вот и заполучил стопку подробных показаний о грязных шалостях «квакиных». Начальство двух наших ведомств давно наладило взаимодействие — и я, как разыскник, занимавшийся школой (точнее, в первую очередь ее архивом), все эти показания читал. Не было смысла испрашивать копии, мои интересы лежали все-таки в другой плоскости, касавшейся не личного состава школы, а другого, так что я ограничился тем, что попросил у Кузьменко справку-выжимку. Он и сделал.

Первое время горожане, как и следовало ожидать, представления не имели, что это за странные подrostки ватагами бродят по Косачам — юнцы в аккуратно подогнанной по фигуре немецкой военной

форме без погон, в добротных солдатских сапогах, пилотках без кокард. Но очень быстро узнали, в первую очередь торговцы с воскресного базара, что это за публика...

Немецкие солдаты все же, как проникнутый капиталистическим духом продукт буржуазного общества, за взятое на базаре аккуратно расплачивались, правда, оккупационными фантиками. Так поступали и полицаи, вообще все, кто работал на немцев. Со всем другое дело — «квакины» (многие из которых к тому времени поднакопили опыт мелкой уголовщины, иные попали в школу прямым из криминальной полиции, немецкой или местной). Эти все, что им нравится, грабастали бесплатно, а если продавцы сдуру пытались протестовать... У каждого из «квакиных» лежал в кармане пистолет. Немцы им штатного оружия не выдавали, но долго ли шпанистому подростку в военное время раздобыть ствол? Главное было — не светить шпалеры в школе, иначе загремели бы на гауптвахту...

В первый же месяц увольнительных волчата на базаре застрелили двух сельских дядьков, имевших неосторожность возмутиться, когда шпаргонцы начали забирать то и это, явно не собираясь платить. Причем стервецы убежать не стали — преспокойно забрали и ушли не торопясь. Ну, понятно — полицаи были заранее проинструктированы, что эти «цветы жизни» приравнены к немецким солдатам, к которым «бобики» не имели права и близко подойти, что бы те ни натворили.

После второго убийства в Косачах поняли, что за напасть на них свалилась, и прониклись: на улицах обходили «юнкеров» десятой дорогой, а на базаре помалкивали и стояли столбом, пока их грабили.

В общем, развернулись ребята. За полтора года изнасиловали шесть девушек, избили несчитанное количество народа, за самогоном охотились не хуже взрослых, к кому-то среди бела дня вломились в дом, сунули пистолеты под нос, зарезали поросенка в хлеву и унесли с собой в хозяйском мешке. Обчищали огороды среди бела дня, выпрягли у дядька лошадь и долго на ней катались... Да много было всякого хулиганства. Завели в Косачах пару натуральных «малин», где отдыхали от учебы с самогоном, патефоном и, из песни слов не выкинешь, с морально нестойкими девицами, являвшимися туда совершенно добровольно (показания пары-тройки таких девиц, державшихся тише воды ниже травы, распускавших сопли и слезы, я тоже читал у Кузьменко). Что касается «малин» — это был единственный случай, когда волчата не пугали хозяев квартир и домов пушками, а ради пушного комфорта платили за «постой»...

Обо всех этих художествах абверовцы прекрасно знали, но ни разу и пальцем не погрозили, наоборот, их как раз устраивало, что их воспитанники лишний раз замарались в грязи и крови. Сам я не охотник, никогда не охотился, но рассказывал мне один старый волчатник: именно так волки натаскивают подрастающих волчат. Притаскивают в логово полузадушенную добычу, бросают деткам, и те принимают ее неумело душить...

Один только раз волчата запоролись: те самые трое диверсантов решили обмыть медали в Косачах. Сначала забрали на базаре несколько бутылок самогона (им торговали, понятно, из-под прилавка), одну бутылку распилили из горла тут же и двинулись по улицам искать приключений. На безлюдной улочке встретили симпатичную молоденькую девушку и на-